

Историческая репрезентация *revisited* – кейсы

АНАТОЛИЙ
КОРЧИНСКИЙ

Историческая репрезентация – старая тема, пережившая в конце XX века во многом губительную для своего научного статуса моду¹, – кажется, может приобрести новое звучание в эпоху актуального теоретического поворота к реалистическим и материалистическим установкам в гуманитаристике и социальных науках². Сегодня некоторые авторы предлагают отказаться от этого понятия и заменить его чем-то другим³, а некоторые призывают обратиться к более глубоким уровням функционирования *представлений*, вспомнив, что за чисто семиотическими и изобразительно-миметическими аспектами *знака и образа* стоят сложные и неочевидные процессы, связанные с воображением⁴, материально-телесной вписанностью репрезентирующего и репрезентируемого в охватывающий их план бытия⁵,

- 1 Гинзбург К. *Репрезентация. Слово, идея, вещь* // Он же. *Деревянные глаза. Десять статей о дистанции*. М.: Новое издательство, 2021. С. 143.
- 2 Деланда М. *Новая философия общества. Теория ассамбляжей и социальная сложность*. Пермь: Гиле Пресс, 2018. С. 7–15.
- 3 Ямпольский М. *Без большой теории?* // Новое литературное обозрение. 2011. № 4(110). С. 59–83.
- 4 Iser W. *Das Fiktive und das Imaginäre. Perspektiven literarischer Anthropologie*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1991.
- 5 Делёз Ж., Гваттари Ф. *Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. С. 614; Ямпольский М. *Без большой теории?*

**ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИЧЕСКОЙ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ**

*Анатолий Корчинский
(р. 1980) – филолог,
заведующий кафедрой
теории и истории
гуманитарного знания
Российского государ-
ственного гуманитар-
ного университета
(Москва).*

аффективными потоками⁶, динамической природой знаков и образов⁷ и тому подобное. Кажется, второй путь интереснее и продуктивнее – тем более, что уже выдвигаются новые аргументы в защиту репрезентации как объекта и предмета современных исследований⁸.

Иногда развитие самих репрезентативных практик и их теоретической концептуализации предстает как линейная история взлета и падения репрезентации. С этой точки зрения оказывается, что художественная репрезентация переживает свой расцвет в классическом искусстве и – соответственно – свой закат в искусстве модернизма и авангарда, начавшийся, однако, уже в романтизме⁹. Точно так же историческая репрезентация выглядит теряющей значение с началом эрозии современного историзма в его доминирующей форме и набившей оскомину в так называемом «постмодерном» дискурсе, прославленном своими эпистемологическими и этическими тупиками. Но сегодняшняя презентистская ситуация странным образом способствует тому, чтобы начать мыслить судьбу историзма и исторической репрезентации менее поступательно и, может быть, более комплексно¹⁰, учитывая, в частности, не только собственно академическую историографию, но и иные исторические культуры¹¹, которые оказываются богаты как всевозможными образами исторической памяти, так и эвристическими приемами, обнаживающими относительно исторической правды¹². Причем интересно, что в такой нелинейной перспективе, допустим, современное искусство (будь то реализм или авангард) может оказаться совсем не могильщиком исторической репрезентации, а мощнейшим ресурсом ее саморефлексии¹³, не столько переводом исторических тем в актуальную повестку¹⁴, сколько указанием на онтологическую действительность исторического мира¹⁵, который представляет собой «пространство исто-

6 Кобылин И.И. «Автономия аффекта»: история, становление, биополитика // Диалог со временем. 2017. № 58. С. 25–38.

7 ПЕТРОВСКАЯ Е. *Теория образа*. М.: РГГУ, 2010; Она же. *Возмущение знака. Культура против трансценденции*. М.: Common place, 2022.

8 ГАРСИЯ Т. *В защиту репрезентации* (<https://s357a.blogspot.com/2019/02/blog-post.html>).

9 Ямпольский М. *Ткач и визионер. Очерки истории репрезентации, или О материальном и идеальном в культуре*. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

10 ANKERSMIT F. *The Necessity of Historicism* // Journal of the Philosophy of History. 2010. Vol. 4. № 2. P. 226–240; BEVIR M. *Historicism and Critique* // Philosophy of the Social Sciences. 2015. Vol. 45. № 2. P. 227–245; Олейников А. *Современная историчность и политика времени*. 2021 (<https://liberal.ru/authors-projects/sovremennaya-istorichnost-i-politika-vremeni>).

11 RÜSEN J. *Was ist Geschichtskultur? Überlegungen zu einer neuen Art, über Geschichte nachzudenken* // Fühmann K., GRÜTTER H.T., RÜSEN J. (Hg.). *Historische Faszination. Geschichtskultur heute*. Köln: Böhlau, 1994. S. 3–26; WOOLF D. *The Social Circulation of the Past*. Oxford: Oxford University Press, 2003.

12 БЕНН С. *Одежды Клио*. М.: Канон Плюс, 2011. С. 65–101; Годфри М. *Художник как историк*. М.: V–A–C Press; Artguide Editions, 2021. С. 5–21.

13 АНКЕРСМИТ Ф.Р. *История и тропология: взлет и падение метафоры*. М.: Канон Плюс, 2009. С. 205–212.

14 УАЙТ Х. *Практическое прошлое*. М.: Новое литературное обозрение, 2024.

15 РИКЕР П. *Память, история, забвение*. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. С. 396.

рически обусловленных возможностей»¹⁶, то есть характеризуется контингентностью как одним из базовых критериев материальной реальности.

Важно при этом, что подобная *третья* теория исторической репрезентации, возникающая после – а вернее, около – судя по всему, должна быть не только реалистической, но и этической, и политически заряженной. Не случайно Беньямин и Агамбен говорят о мессианском прочтении прошлого как истории угнетенных, Гинзбург и Рикёр обосновывают свою онтологию исторического ссылками на невозможность сомневаться в событии Холокоста, поздний Уайт настаивает на практическом измерении исторического опыта и так далее. Более того, судя по всему, именно сегодня и именно в контексте новых реалистических и материалистических онтологий становится возможным не противопоставлять субъект и объект исторической репрезентации, понимая всю силу собственной вовлеченности историка или художника в исторический процесс, свою неотделимость от прошлого (и будущего). Это, в частности, позволит приблизиться и к пониманию самого феномена репрезентации в контексте нашей исторической «современности». Игорь Кобылин пишет, анализируя концепцию репрезентации Тимоти Митчелла:

«“Современность” как репрезентация, маскирующая свою непристойную колониальную изнанку и свои множественные, разбросанные по всему миру истоки, может быть разоблачена только из “модернистской” же перспективы, конституированной сущностным разрывом “представления” и “реальной” действительности. “Модерн” как различие не дает натурализоваться “модерну” как идеологической симуляции. Мы являемся “нововременными” именно в тот момент, когда замечаем, что не были ими»¹⁷.

Нижеследующая подборка, будем надеяться, станет началом регулярных разговоров о различных аспектах исторической репрезентации на страницах «НЗ». Она представляет собой небольшую серию кейсов, представленных на одноименном научном семинаре, который проводится в Российском государственном гуманитарном университете с 2023 года. Главный интерес настоящих и будущих исследовательских опытов – то, как в текстах и других культурных артефактах разных эпох создаются образы исторического мира (времени, пространства, людей, культурных и природных объектов) и исторического опыта. В работах предполагается исследовать, как устроено

16 Гинзбург К. *Судья и историк*. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 117.

17 Кобылин И. *Модерн против модерна: «современность» как двойное различие* // Неприкосновенный запас. 2014. № 6(98). С. 146.

историческое воображаемое и способы его символической фиксации.

Семинар как исследовательский проект посвящен пересмотру аргументов, касающихся старой проблемы, обрисованной выше: как возможны представления *об истории* / представления *истории* в различных дискурсах и медиумах. Как уже отмечено, в последние десятилетия имеет место весьма неоднозначное отношение к этой теме: от крайнего скепсиса и требования нерепрезентативного подхода к истории до апологии номиналистского пафоса в области построения вероятностных картин прошлого или же – собственно реалистических интервенций.

Современное искусство может оказаться совсем не могильщиком исторической репрезентации, а мощнейшим ресурсом ее саморефлексии, не столько переводом исторических тем в актуальную повестку, сколько указанием на онтологическую действительность исторического мира.

Предмет нашего интереса не только и не столько академическая историография, сколько альтернативные, в том числе маргинальные, формы фиксации исторического опыта: литература и другие искусства, эго-документы, визуальные, аудиальные и иные материальные практики современной (и не только) культуры. В этом номере «НЗ» представлены три работы, которые объединяет попытка проблематизировать историческую репрезентацию в русской (и отчасти европейской) литературе 1920–1940-х.

Алексей Масалов в очерке «Революционные онтологии и историческая репрезентация: “Ладомир” Велимира Хлебникова и “О понятии истории” Вальтера Беньямина» замечает любопытную рифму между моделированием истории в двух великих текстах литературного и философского авангарда. На первый план выходит поэтическая критика и радикальная трансформация историзма и исторической репрезентации, в том числе внутри той самой традиции, в которой работают поэт и мыслитель, – марксистского исторического материализма. Исследователь отмечает, что при всех различиях между произведениями, в частности, утопизмом первого и катастрофизмом второго, в них есть существенная общность:

«[Оба] приходят к сходному пониманию революционной онтологии, в которой реальное и виртуальное переплетаются в мессианском

времени, одновременно катастрофическом и освободительном, тем самым развивая – каждый по-своему – марксистскую концепцию истории».

АНАТОЛИЙ КОРЧИНСКИЙ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
REVISITED – КЕЙСЫ

Наталья Бакшаева в статье «Болшевская коммуна: эго-документ в контексте исторической репрезентации» на материале архивных источников, в частности, дневника руководителя коммуны для перековки юных преступников Сергея Юрина, исследует дискурсивную специфику эго-документа, реконструируя очертания моделей пространственно-временного конструирования воображаемой общности, а также приемов построения культурной памяти о феномене коммуны в годы после ее ликвидации. Основной исследовательский сюжет статьи не в том, насколько подлинным оказывается источник, а в том, как выстроенный в нем нарратив интегрируется в советский мемориальный и историографический дискурс.

Иван Савушкин в работе «“Не та Россия”: апофатическая стратегия репрезентации в эго-документах русского зарубежья» ставит проблему особого измерения дневникового письма, которое отчетливо коррелирует с художественно-публицистическими попытками русских эмигрантских писателей выстроить ретротопическую картину утраченной России и отличается структурной негативностью, напоминающей апофатический метод описания, принятый в богословии. Отсылка к апофатике оказывается тем более уместной, что выстраиваемая и переживаемая ретротопия основывается на мощном импульсе сакрализации этого воображаемого хронотопа эмигрантов и резонирует с их восприятием истории.

